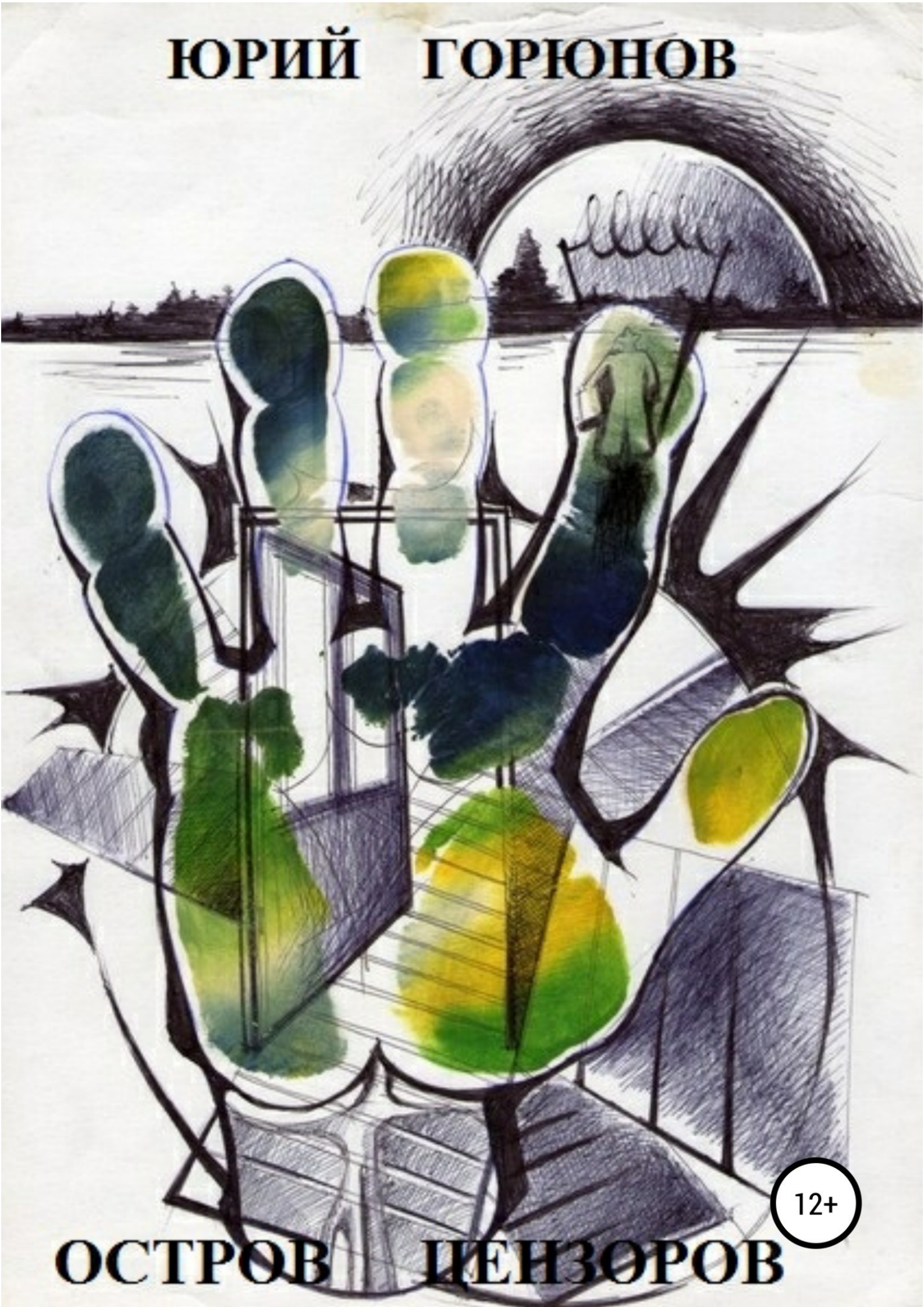

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

12+

ОСТРОВ ЦЕНЗОРОВ

Юрий Горюнов
Остров цензоров

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Горюнов Ю.

Остров цензоров / Ю. Горюнов — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Он думал, что пишет о недостатках системы власти, а оказался втянут в политическую игру, где ему отведена роль рупора, и где его шаги просчитаны до мелочей. Разрушить старую систему было можно, но тогда они теряли возможность передачи информации плавно, а надо не сразу убирать людей из системы, а проредить ее. Она сама распадется. Надо ставить своих цензоров. Система цензоров будет заменена. Тихо, спокойно, без шума. После статьи шума не будет. Так, отзвук от ряби. Смена цензоров - вот их основная задача. И круг под названием остров цензоров, за который не выйти, замкнется снова.

ОСТРОВ ЦЕНЗОРОВ

Цензор – должностное лицо, ведавшее распределением граждан по имущественным сословиям, следивший за нравственностью и благонадежностью граждан и заключавший сделки от имени государства

(Новейший словарь иностранных слов)

1

За несколько месяцев до развития событий.

Солнце клонилось к закату, и его диск был уже почти скрыт верхушками деревьев. Оно еще пыталось пробиться сквозь кроны, но вечерние сумерки уже поднимали свои тени, идя на смену свету. Тени от деревьев удлинялись и уже достигали дома. Тишина за окном была наполнена успокоением. Последними лучами солнце играло на снегу. Ослепительно белый, он отбрасывал от своих кристаллов зайчики света.

На все это великолепие зимней, чистой природы смотрел мужчина, стоящий у окна. Его фигура четко выделялась на фоне света. Он словно вглядывался вдаль уходящего дня. Сквозь большое окно, от пола до потолка, он видел среди деревьев аккуратно очищенные асфальтовые дорожки, уходящие вглубь парка. Тишина создавала ощущение пустоты. Ни одного человека не было видно, никто не прогуливался среди деревьев, наслаждаясь красотой зимнего вечера. Да и не могло быть. Закрытая территория.

Мужчина был среднего роста, одет он был в бежевую рубашку и черные брюки. Пиджак отсутствовал, что создавало некоторую неофициальную обстановку.

– Абсолютной свободы не бывает. Это иллюзия, – сказал он, не поворачиваясь и было件но件но, что фраза прозвучала после паузы ранее начавшегося разговора, – человек ограничен в своих поступках в течение всей своей жизни. Нам ли с вами этого не знать. Как ни банально, но, даже находясь в утробе, человек уже не свободен, родиться или нет. И так всю жизнь. Чем выше поднимаешься по служебной лестнице, тем слабее ее перила. Кто этого не прошел, думает, что свободы больше. Увы, как они ошибаются. Возможно, это звучит цинично, но цинизм на уровне государства – это уже государственная политика. Стратегия, можно сказать. Возможностей больше, а вот свободы меньше. Свобода – это не вседозволенность. Кто так думает, живет иллюзиями, кто озвучивает – их продает. Мы с вами не можем торговать иллюзиями. Они хрупки. Если их разбить, даже случайно, то человек предстает перед фактом, что ее забрали. Кто мы для него? Враги. Поэтому стоим перед вопросом, а надо ли забирать ее.

Он повернулся. В комнате кроме него было еще двое мужчин. Оба сидели за столом и слушали говорящего. На столе стояли чашки для чая, чайник, печенье, конфеты. По всему было видно, что обстановка непринужденная.

Один из сидящих мужчин был лет пятидесяти. Посмотрев на повернувшегося, он сказал:

– Это не может длиться вечно.

– Не может. Процесс надо контролировать.

– Прозревать начинают. Я думаю, необходима серьезная информация в СМИ. Иначе погрузимся во тьму.

– Ну, это ты хватил. Не настолько все плохо, – ответил стоявший у окна, а затем подошел к стулу, на котором висел пиджак и сел, – есть еще время. Но согласен, пора переходить к более решительным действиям. Когда я у себя в кабинете, у меня иногда складывается впечатление, что его стены выложены из чиновников. При этом стоят так плотно, что никакая информация не может проникнуть, чтобы не быть подверженной цензуре. А что творится на местах? Удельные княжества. Та же стена поруки, коррупции, равнодушия. Ее необходимо пробить. Это нелегко. Они стоят насмерть. И, если быть объективным, порой, и заменить не кем.

Его собеседники внимательно слушали и понимали его состояние. Им ли было этого не знать. Это они давали ему информацию о состоянии дел. Как ей распоряжается хозяин кабинета, они могли только догадываться.

– Необходимо проанализировать печатную прессу и посмотреть, какие журналисты у них работают, – подал голос третий, до сих пор молчавший мужчина, – в итоге выбрать нескольких и, поработав с ними, начинать серию статей. Это найдет отклик.

– А насколько они самостоятельны в суждениях? Насколько свежо их восприятие? – сказал высокий, – Насколько они беспристрастны?

– Только суд может быть беспристрастным. Вернее, должен быть, что не скажешь о текущем состоянии. Слишком много вариантов по судебным решениями, много эмоционального, а не редко и исполнения указаний от вышестоящих, – парировал хозяин кабинета, – Сергей Львович, возьмите на себя эти функции общения с журналистами.

– Хорошо.

– Валентин Петрович, ты не устал от лизоблюдства? От того, что эти мелкие чиновники словно пытаются тебя облизать и заглядывают в глаза своими лживыми глазками. Порой после рукопожатия хочется пойти и вымыть руки.

– Бывает. Но будем считать это издержками профессии. Платой за свою работу, свой пост.

– Платой должен быть результат того, что делаешь не зря и не для себя.

– Сферу ограничим только публикациями или будем рассматривать и телевидение?

– Нет. Телевидение продукт коллективного просмотра. Мало кто смотрит его в одиночестве. В массе своей посмотрят катастрофы, различные ЧП. Посмотрев и обсудив дома или на службе, большинство информации стирается. Нам нужно достучаться индивидуально, – он замолчал, а затем словно что-то обдумав, продолжил, – публикация это индивидуальное лекарство для мозгов. И с помощью этого лекарства мы должны попытаться направлять мысли и действия. Общего лекарства не бывает. Коллективное чтение не популярно, поэтому читая, человек пропускает информацию через свое «я», насколько она созвучна его мыслям. Поэтому ограничимся печатными изданиями.

– А интернет?

– Подумайте. Я не против.

– О личном и общем писал Герман Гессе в «Паломничество в страну востока» говоря, что следуя общим идеалам, сражаясь под одним общим знаменем, каждый несет свою собственную мечту и, если она не совпадает, то результата не достичь, – сказал Сергей Львович.

– Вот именно. И нам надо попытаться под общее знамя привлечь людей со своими мыслями, которые схожи с нашими.

– Вы думаете, получится? – спросил Валентин Петрович.

– А иначе все рухнет. И чтобы ни говорили о сделках с совестью, в этом вопросе я не хочу с ней договариваться. Я хочу попытаться изменить ситуацию.

– Что будет проходить красной нитью публикаций? – спросил Сергей Львович.

– Темы могут быть разные. Не стоит касаться коррупции, там правоохранительные органы работают. По фактам и так возбуждают дела. Результат их, к сожалению, не всегда положительный. Кстати, при наличии отрицательного результата, можно поднимать эту тему. А главное – равнодушие. Равнодушие чиновников, их бездействие. Разрыв между богатыми и бедными. Равнодушие самих граждан к фактам беззакония. Кто-то из древних сказал: «Не бойся врагов – в худшем случае они могут убить тебя. Не бойся друзей – в худшем случае они могут предать тебя. Бойся равнодушных – они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство».

Сергей Львович знал, что эта фраза принадлежит литературному герою Роберту Эберхарду. Но мало кто знал, что истинным автором является польский писатель Бруно Ясенский.

Но он не стал говорить этого, так как знал, что бывают моменты, когда показывать свою образованность не стоит, лучше держать при себе.

– Все время создавать видимость системного порядка не получится. Пора менять систему прохождения информации. В обе стороны, – продолжил хозяин кабинета, – Не надо стараться все разрушить. История уже знает немало примеров, что было дальше. Менять надо постепенно без спешки. Для продвижения наших вопросов и контроля нам необходимы СМИ. Нужна поддержка населения, не бурная, а так, чтобы были высказывания недовольства. Все в пределах разумного.

Пока он говорил, оба собеседника слушали со спокойным выражением лиц, без всякого подхалимства. Они давно вместе работали и те доверительные отношения, что сложились и являлись итогом того, что их здесь было трое. Оба они были проверенными людьми и знали свое место в иерархии, и, конечно, догадывались, что кроме них есть еще ряд лиц, кто в курсе обсуждаемого вопроса.

– Так что Сергей Львович, найдутся у нас журналисты, которые смогут правильно освещать темы? Нам нужны не просто профессионалы, нам нужны аналитики в этом вопросе. Люди не просто умеющие грамотно писать, но думать над тем, о чем пишут.

– Уверенно сказать не могу, но думаю, найдем.

– Хорошо. Для решения вопроса по журналисту срок две недели. А для начала его работы 2 месяца. Ждать нет времени. Пора работать.

Он встал из-за стола. Собеседники тоже поднялись. Он обошел стол и попрощался с каждым за руку.

– Всего доброго. И, Сергей Львович, по окончании работы не надо бросать журналиста на произвол. Не хорошо.

– Само собой.

Когда гости вышли из кабинета, его хозяин, оставшись один, подошел к маленькому столику в углу, на котором стояло несколько телефонов. Сняв трубку одного из телефонов и набрав короткий номер, он сказал: начинаем потихоньку. Без суеты. Да, занимаются они. Я им доверяю. По текущим моментам я их не контролирую, они свое дело знают. Будем отслеживать со стороны.

Положив трубку, он снова подошел к окну. Солнце уже скрылось, и на снегу играли блики от фонарей. По его выражению лица не понятно, то ли он любит красоту природы, то ли думает о чем-то своем.

В это время его гости уже садились в машину.

– Сначала меня на работу, а потом Сергей Львович куда скажет, – дал поручение водителю старший по возрасту Валентин Петрович.

– А куда скажет Сергей Львович и так ясно, – подал реплику Сергей Львович, – на работу.

– Не бережешь ты себя!

– А ты бережешь. Сам-то куда едешь?

– Да ладно, оба хороши. Семьи видим по выходным и то не всегда.

– А ты по-другому можешь жить? Нет.

– Задохнем.

– Деревья умирают стоя.

– Это верно. Но что касается вопроса, недели тебе хватит?

Их разговор указывал, что они вместе уже давно. Они уже не обижались друг на друга, если дело доходило до спора. Они берегли свои отношения, так как понимали, что в одиночку сломают. Когда машина остановилась у административного здания, Валентин Петрович сказал:

– Прибыли. Как только сразу звони. Пожелания супруге.

– Передам.

Приехав на работу, Сергей Львович вызвал начальника по работе со СМИ и попросил подготовить список журналистов, работающих на темы государственности, социальных вопросов, но толковых.

– Когда сделаешь?

– Через час.

– Так быстро?

– Да мы уже давно ведем картотеку специалистов по направлениям.

– Молодцы.

Через час на его стол лег список из десяти фамилий.

– Ясно. А есть такие у тебя в картотеке, как бы сказать... Ну, у кого взгляд свежий, «не замыленный». Чтобы по-новому мог взглянуть на проблему. Может, кто за границей?

На стол лег еще один список из трех фамилий.

– Кого сам порекомендуешь? Человек трех.

Тот отметил две фамилии из большого списка и одну из короткого.

Посмотрев на фамилию, отмеченную в коротком списке. Сергей Львович спросил:

– Репортер?

– Не только. Умеет трезво мыслить. Брал интервью у разных государственных деятелей. Умеет ставить вопрос, умеет преподнести материал.

– Отношение к спецслужбам?

– Нет.

– Подбери мне публикации этих троих. Я посмотрю. Денька через три представь. На сегодня все.

2

Он открыл знакомую дверь и шагнул за порог. Доводчик медленно прикрыл ее, и он остановился, приглядываясь к полумраку.

«Да, здесь ничего не изменилось, что, в общем, приятно. Смена интерьера и обстановки всегда отвлекает внимание от главного – людей, сидящих в зале за столиками. А лица, хоть и есть новые, но многие узнаваемы. Что радует. Давно я здесь не был», – подумал про себя Виктор, – «Как приятно окунуться в знакомую атмосферу. Почувствовать знакомые запахи, увидеть почти родные знакомые лица».

Он стоял на пороге небольшого бара в родном городе, после долгого отсутствия. Здесь он раньше был завсегдатаем. Немногие знали расположение бара, но постоянная клиентура помогала существовать заведению, расположенному чуть в стороне от людных улиц. Кто знал, тот сворачивал с шумной улицы в тихий переулок, даже тупичок, где вдоль обочины у тротуара стояли машины. И лишь пройдя шагов десять можно было увидеть вывеску «Бар». Если заглянуть в переулок с улицы специально, можно было его обнаружить. Но кому это нужно, заглядывать в переулки-тупички?

Как хозяин умудрился его здесь открыть? На что рассчитывал? Не известно. Но не просчитался. Тупичок был в длину метров сто. Далее дорога упиралась в каменный забор, за которым находилось здание какого-то учреждения.

В этом тупике иногда проходили разборки между особо разгоряченными посетителями, но без крови. В баре все быстро пресекалось. Лишь немногие знали, что у бара есть второй выход и с молчаливого согласия бармена им пользовались избранные завсегдатаи. Виктор ранее был в их числе.

«Да, время здесь словно остановилось», – подумал он. Увидев, что бармен обратил на него внимание, Виктор поднял руку в знак приветствия и направился к стойке.

– Привет, Степаныч! – сказал он, подойдя к стойке.

Бармен протянул ему руку для рукопожатия через стойку и ответил: – Привет, Виктор!

Он сделал ударение на последний слог. Он всегда его так называл.

– Ты меня еще помнишь?

– Да вас, постоянных, хоть и бывших, я и на том свете буду помнить. Ваши лица, вкусы, характеры отпечатались в моей памяти как индивидуальные отпечатки пальцев в досье.

Бармен был коренастым мужчиной лет за пятьдесят. Уже начинающий лысеть, с пышными усами. Говорил он спокойно, разделяя и взвешивая слова. Словно пробовал их на звук. Не суетился, как молодые, в современных барах стараясь угодить клиенту. Ему не нужно было удивлять жонглированием и сноровкой. Он брал спокойствием. Степаныч был, как визитная карточка бара с момента его открытия. Иногда завсегдатаи говорили, если договаривались о встрече «У Степаныча увидимся». Его манера общения подкупала. Вроде бы простой на вид, но чувствовалось, что есть грань, за которую переходить не следовало.

У него были крепкие руки с большими ладонями, так что когда он брал бутылку, казалось, что она не выдержит и разлетится на части. Никто не знал о нем. Кем был ранее, откуда взялся, где живет. Ничего. Но была в нем внутренняя сила, да и внешняя тоже. Его не боялись, его уважали.

Сегодня он был одет традиционно для себя: клетчатая рубашка, джинсы. Он производил впечатление бармена из старых вестернов.

– Как всегда? – спросил Степаныч.

– А ты помнишь?

– Не то слово.

– Тогда давай.

Степаныч достал бутылку виски, налил в стакан на три пальца, бросил в него два кубика льда. Он, молча, положил на стойку деревянную подставку и поставил на нее стакан. Виктор, взяв стакан, поднял его в знак приветствия. Степаныч в ответ кивнул и отошел к концу стойки вправо, где подошел клиент.

Виктор поудобнее уселся на высоком барном табурете, отхлебнул и почувствовал вкус, который приятно лег на язык.

«Молодец, Степаныч! Не испортился. Всегда был честен. Во всяком случае, в дозах. Не обманывал, не развлекал. Хотя, кто его знает, как по отношению к другим», – подумал Виктор.

Он стал рассматривать небольшой зал, его посетителей, которые отражались в зеркале барной полки, уставленной бутылками с различными этикетками. Ему не хотелось пока общаться ни с кем. Хотелось побыть просто в знакомой обстановке, которая была ему приятна. Он знал, что за углом стойки есть еще один небольшой зал. От входа его не было видно. Там обычно сидели завсегдатаи. В любое время можно было там встретить кого-либо из знакомых и без обязательств, просто поговорить, коротая вечер.

Степаныч освободился и подошел к Виктору.

– Давно приехал?

– Вчера. И, как видишь, сразу к тебе, Степаныч! Не поверишь, там все не так. Не хуже, но не так. Какой-то дух не тот.

– Не хватает авантюризма?

– Точно. Точно подметил. Хотя мы здесь тоже этим не отмечались, но все же.

– Ну да. Это ты другим рассказывай. Не было у вас авантюр.

– Может быть. Но, наверное, это просто кураж.

– Пусть так. Надолго?

– Думаю, да. Надеюсь. Закончилась моя командировка.

– Сколько тебя не было? Лет пять?

– Да, пять лет. Пять долгих лет пребывал я за пределами страны. Вначале все было интересно, любопытно, а потом хотелось домой.

– Что так?

– Не знаю. Я много ездил и видел не мало. Приходилось бывать и в опасных местах. Всякое бывало. Будет повод, расскажу. А у вас здесь что нового?

– Здесь конкретно ничего. Так, если кто-то перестал ходить, кто-то появился новый. А в остальном за дверями бара все новое.

– Да, это мне предстоит еще увидеть и понять. Информация была в основном из прессы или так в результате отдельных разовых встреч. Но не факт, что информация была объективна.

– Самое главное, это все-таки понять. Увидеть блеск и нищету это одно, а понять, почему так, это другое.

– Степаныч, ты стал философом?

– Общаясь с вами, кем только не станешь.

Виктор во время разговора отпивал из стакана и, сделав последний глоток, опустошил его. Степаныч, не спрашивая, повторил.

– Есть здесь кто из старых?

– За углом сидят, как обычно. Твои коллеги по работе. Евгений, Петр, Сергей. Может, еще кто.

– Спасибо, Степаныч. Расчет как всегда?

– О чем разговор.

Завсегдатаи рассчитывались при уходе. И никто ни разу не обманул Степаныча, как и он не обманывал, называя, сколько было взято. Бывали случаи, отпускал в долг, который обязательно отдавали.

Виктор слез с табурета и, держа в руке стакан, направился влево вдоль стойки. Дойдя до угла, он остановился и окинул взглядом маленький зал, скорее нишу, в которой стояли всего три столика, каждый рассчитанный на четверых. Столики стояли как бы треугольником, но между ними было свободно, чтобы посетители не мешали друг другу.

Музыка в баре была всегда негромкой. В основном звучал блюз, джаз, легкий рок, так чтобы по ушам не било. Здесь не танцевали, здесь общались.

Виктор увидел своих старых знакомых. Они сидели за крайним столиком у окна, которое сквозь тонированное стекло только намекало на свет. Солнце в тупичке не задерживалось даже в самый яркий день.

Его коллеги что-то обсуждали и были увлечены беседой. Евгений, почувствовав постороннего, поднял голову и встретился глазами с Виктором.

– Такая мать! – только и произнес он.

Его собеседники, повернув головы, лишь добавили, – Это точно.

Виктор подошел к столику. Все встали и, пожав руки, чуть приобнялись, похлопав его по спине.

– Присаживайся, – сказал Евгений. Он был самым старшим в этой компании.

– Подождите, бросил на ходу Петр, вставая и направляясь к стойке. Вернулся он быстро, так как предусмотрительный Степаныч уже приготовил бутылку для их столика.

– Вот, Степаныч, знает нас как облупленных, сказал Петр, ставя бутылку на столик.

Не говоря ни слова, Евгений отвинтил крышку бутылки и налил всем.

– За встречу, – добавил он.

Все выпили.

– А теперь неофициальная часть, – продолжил Евгений. – Сначала ты о себе, а дальше как получится.

– Может, я прервал что-то важное? – спросил Виктор.

– Это важное у нас каждый день. Поживешь здесь, поймешь. – Кем?

– Не знаю, слухи, что на место Славы.

– Да. Как-то он ушел оттуда не понятно. Ничего не объяснил. Ушел и все. Значит, журналистика осталась твоим хобби, приносящим доход.

- А куда я денусь. Я больше ничего не умею.
- Слава тоже ничего не умел, а ушел.
- А где он сейчас?
- Не знаю. Но живет все там же. Тебе лучше с ним самим поговорить. А тебе ничего не сказали на работе? Может быть, знают что?
- Мне, кажется, некоторые догадываются или знают, но не говорят. Разберусь. Ясно одно, не сам ушел.
- Мужик он хваткий. Статьи писал убойные.
- Вот потому и не вписался, я думаю. Ладно, мужики, давайте потом. Я осмотрюсь, подумаю. Может, вы потом, что подскажете. Вы же здесь лучше меня разбираетесь в кухне. А мне надо привыкнуть, понять.
- Действительно, – поддержал Сергей, который до сих пор молчал. – Еще будет время. Начинай, рассказывай, если не торопишься?
- Нет. Сегодня я свободен. К работе приступаю только в понедельник.
- И так?

3

Виктор открыл глаза. Утро уже наступило. Свет пробивался сквозь шторы. Будильник он не заводил, так как время было в его распоряжении. В редакцию надо было после обеда. «Вот так всегда, когда не надо, просыпаешься раньше», – подумал Виктор, глядя в окно. Часы показывали восемь. Он полежал еще, но понимая, что лежать просто так скучно, а спать не хочется, отбросив одеяло, поднялся. Рядом с кроватью сиротливо стояли шлепанцы. По другую сторону было пусто. Это Виктор знал. «Вот, даже им одиноко стоять у кровати. Нет женской пары. Ну что делать, издержки холостяцкой жизни» – промелькнула мысль в голове. Он направился в ванную и там, посмотрев на себя в зеркало и не обнаружив последствий вчерашнего застолья в баре, остался собой доволен, насколько можно быть довольным своим лицом, едва проснувшись. На него смотрело отражение тридцатилетнего мужчины, смуглого, с коротко стриженными темными волосами, чуть подернутыми сединой и карими глазами. Одинокая зубная щетка также напомнила о его холостяцкой жизни. Не получалась у него семейная жизнь. Ни с одной из женщин судьба не довела его до ЗАГСа, и холостая жизнь утверждала право на него. «Человек не должен быть один, если только временно. Какой угодно можно пытаться создать уют, но пустота, как вакуум притягивает одиночество», – подумал, глядя на себя.

Приняв душ, Виктор прошел на кухню и поставил кипятиться воду в чайнике на плиту. Он не любил электрочайники. Да, это быстро, удобно. Но что-то было в этом суетливое. Спешка. Торопливость, что куда-то опаздываешь. Чайник на плите своего рода ритуал, когда свисток еще раз возвестит, что пора окончательно просыпаться за чашкой кофе.

Пока кипятилась вода, он побрился, оделся. Сварив кофе и налив его в бокал, Виктор подошел к окну, из которого открывался вид на двор их многоэтажного дома. Он жил один в двухкомнатной квартире на пятом этаже. Окна были большими, и когда в окна струился солнечный свет, комнаты были веселыми и уютными. Квартиру купил перед командировкой за границу и обставлял, когда приезжал в отпуск. Ему пока хватало двух комнат, одна из которых была гостиной, а вторая – и кабинетом и спальней. Он уже давно жил один. Раньше снимал квартиру. Родители были на пенсии и жили в другом районе города.

Сегодня за окном моросил мелкий дождь, было пасмурно, что делало настроение не радостным. Но во дворе уже кипела жизнь. Школьники уже прошли, только владельцы машин разъезжались по своим делам. Молодые мамы вышли с колясками и стояли, обсуждая свои вопросы, пока их малыши спали в колясках.

Отойдя от окна, он сел на стул за кухонным столом, взял газету, но просматривать не стал. Он задумался о причине отзыва его из командировки. Пять лет проведенных за границей

не пропали даром. Он много ездил, был в разных странах, но все-таки оторван от реальной жизни в своей стране. Когда ему предложили работу за границей, он с радостью согласился. Его здесь ничего не держало, и работа была заманчивой. Но что случилось здесь, почему отозвали до окончания срока командировки? Возникли осложнения? Но почему он. Но что гадать. Раз вызвали, сегодня и расскажут все.

Около полудня Виктор вышел из дома, прошел к своей «Ауди», стоявшей на стоянке недалеко от дома и направился в редакцию.

Он поздоровался с охранником, поднялся на лифте на четвертый этаж. Как обычно по утрам, в ней царил суета. Все, что не успели сделать вчера, надо сделать сегодня. По коридорам ходили сотрудники, обсуждая что-то между собой, кто-то нес документы.

– Ничего не изменилось, – подумал Виктор, – хотя много новых лиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.